

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П50

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 30

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Полищук, Вадим Васильевич

П50 Магу: Капитан Магу. Горы любви и скорби: роман /
Вадим Полищук. — Москва: Издательство АСТ; Издатель-
ский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-115990-0

Служба в столицах не заладилась, пришлось возвращаться в провинцию, благо очередная заварушка на границе империи не заставила себя ждать. Слева сабля, справа тяжесть револьвера в кобуре, а впереди новые испытания, встречи и расставания. В этих горах можно встретить друзей и попасть в засаду врагов. А еще здесь можно встретить любовь и тут же ее потерять. И не успокоиться, пока не отомстишь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115990-0

© Вадим Полищук, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

— **В**ы — увечный?
— Бог миловал.
— Инвалид?

— Нет.

— В армии вообще служили?

— Не имел чести.

Перед Алексом сидел крайне неприятный тип в потертом фраке с манишкой и тросточкой, похожий на мелкого мошенника, каковым, по всей видимости, он и являлся.

— Так какого... — отставной капитан с трудом сумел взять себя руки. — Тогда не понимаю, зачем вы пришли ко мне? На входе ясно написано: «Фонд помощи увечным и инвалидам русской армии». Увечным и инвалидам. Понимаете?

Фонд располагался в том же здании, что и «Коммерческий банк Магу и партнеры», но имел отдельный вход с улицы.

— Но я хотел бы предложить вашему фонду очень выгодное дело...

Это предложение было уже пятым только за сегодняшний день.

— Пошел вон.

— Что, простите?

— Вон!! — взорвался Алекс.

Тип с тросточкой с похвальным проворством отскочил к двери кабинета и уже оттуда дал краткую

характеристику председателю фонда, отставному капитану Магу.

— Псих! Сумасшедший!

— Убью!!

Рука привычно рванулась к кобуре. Забыл капитан, что уже полтора месяца, как он в отставке, хоть и с правом ношения мундира, а вот огнестрельное оружие носить подобным образом ему запрещалось. Алекс рванул ящик стола, в котором лежал револьвер, но тот оказался предусмотрительно запертым на ключ. Как раз на случай подобных ситуаций. И тогда отставной капитан выхватил саблю.

Тип резво выскочил в коридор.

— Спасите! Убивают!

К моменту появления Алекса в коридоре посетитель успел скрыться, его вопли отдаленно доносились с улицы. Председателя фонда с обнаженной саблей в руке встретили удивленные взгляды сотрудников, выглянувших на крик посетителя.

— Продолжайте работать.

Алекс с лязгом вернул клинок в ножны и захлопнул дверь. Очень хотелось выпить водки, но не было никакого желания прямо сейчас пройти через коридор фонда на улицу, а там до ближайшего кабака. Капитан плюхнулся обратно в кресло и несколько минут провел, разглядывая завитушки на лепнине потолка и пытаясь успокоиться самостоятельно.

Из состояния задумчивого созерцания его вывел осторожный стук в дверь.

— Войдите.

— Ну что, теперь ты понял, какова нелегкая доля руоссийского мецената?

— Да, папа, понял. А еще я понял, что не мое это дело.

Банкир Виктор Магу опустил на тот же стул, с которого несколько минут назад вскочил предыдущий посетитель.

— И что собираешься делать дальше?

Алекс взглянул отцу прямо в глаза.

— Фонд может выдать мне безвозвратную ссуду на пятьдесят тысяч?

— Может, конечно, но зачем тебе такие... Нет, сын, только не это! Ты же только оттуда вернулся. О матери подумай!

— Да, папа, да. Это единственное, что я умею делать, но делаю это хорошо.

Глава 1

По-руоссийски себриец говорил очень прилично, но с заметным акцентом, присущим этому народу. Да и выглядел весьма импозантно со своей бородищей и с торчащими из-за пояса рукоятками сабли, кинжала и двух револьверов. Проще говоря, выглядел себриец настоящим бандитом. Попадись он отставному капитану в руоссийском лесу, Алекс разрядил бы в него весь барабан револьвера не задумываясь. Но здесь, в едва сбросившей османийское иго и до сих пор разорванной на несколько лоскутных княжеств стране, встреча с такого типа персонажем была обычным явлением. Да еще и пострашнее попадались.

Звали себрийца Гжешко. Прихлебывая из зажатой в правой лапе кружки местную кислятину, он внимательно ощупывал Алекса взглядом. Наконец он поставил кружку на грязноватый стол.

— Пятьдесят тысяч — серьезный аргумент. На эти деньги мы сможем купить две сотни винтовок и патроны к ним. Но деньги — это не главное. Деньги у нас есть, нам многие помогают. А вот возможность купить винтовки и патроны с хорошей скидкой и напрямую с завода дорогого стоит. Посредники обходятся нам очень недешево.

— Хорошо, — согласился Алекс, — письмо деду я напишу, думаю, он мне не откажет. Но как вы их вывезете из Руоссии?

— Вывезем, — Гжешко хлебнул из кружки. — Кого надо подмажем.

Похоже, договорились. Война закончилась, заказы на оружие от военного ведомства резко упали, а что оставалось — уплывало на казенные заводы. На заводах деда мертвым грузом осело немало деталей винтовок из задела под ожидавшиеся заказы. Теперь же Август Тизель получит свои деньги за ставшие никому не нужными железки, себрийцы — новейшее руоссийское оружие с хорошей скидкой. Даже таможенники по обе стороны границы останутся довольными. Со временем же этот тонкий ручеек доставки оружия в Себрию вполне может превратиться во вполне приличную речку. Единственными проигравшими в этой комбинации должны были остаться османийцы, но их мнением по этому вопросу никто не подумал поинтересоваться.

— К нам приходит немало ваших офицеров из отставников, — продолжил себриец. — По большей части их отправили в отставку по причине пьянства или непригодности к службе. Поэтому берем мы очень немногих.

Алекс отметил, что речь у этого местного патриота слишком правильная для простого себрийского романтика с большой дороги, каким он столь старательно прикидывался.

— Но вас мы взять готовы. Даже сотню вам дадим. Вот только фамилия ваша...

— Что не так с моей фамилией? — напрягся Алекс.

— Всего три месяца назад вы стали очень известной личностью на Палканах. Здесь очень хорошо помнят фамилию офицера, из-за которого чуть было вновь не началась война. И мы помним, и османийцы. А потому ее необходимо сменить. Например, на Руоссийский. Алекс Руоссийский. Нет, лучше «сотник Руоссийский». Вам нравится?

Алекс пожал плечами.

— Мне все равно. Но как-то уж слишком явно указывает на мое происхождение.

— А вы надеетесь прикинуться себрийцем? — хохотнул Гжешко. — Или сохранить инкогнито?

Алекс подметил еще одно словечко, столь нехарактерное для себрийца из медвежьего угла Палканских гор. Но и самому за местного жителя не сойти, даже если выучить язык в совершенстве. Себрия невелика, и двое незнакомых себрийцев, сойдясь вместе, обязательно найдут каких-нибудь общих знакомых или дальних родственников. Не зная досконально всех хитросплетений родственных связей, выдавать себя за себрийца бесполезно, самозванец будет разоблачен на второй минуте разговора, даже если ему удастся полностью избавиться от акцента.

— Ни то, ни другое, — ответил Алекс, — но хотелось бы что-нибудь менее громкое.

— Ну, тогда предлагаю вам взять псевдоним Барти, — с ходу предложил Гжешко. — Скромно, и национальность не определить, под такой фамилией может скрываться кто угодно.

— Хорошо, — кивнул головой отставной капитан, — я согласен. Но почему именно Барти?

— Мой отец родом из городишки Барти, — расхохотался себриец.

Сделал он это немного наигранно. Алекс сдержанно улыбнулся и задал еще один вопрос:

— А вы в столичном университете обучались?

Гжешко так поперхнулся, что даже акцент почти исчез. Прочистив горло и смочив его для верности пивом, он поинтересовался:

— Как догадался?

— Слишком правильное построение фраз, пара специфических столичных словечек, обращение на

«вы». К тому же я слышал, что в нашем университете обучалось немало себрийцев.

— Прокололся все-таки, — улыбнулся себриец. — А мне казалось, что я довел свой образ до совершенства.

Гжешко был представителем организации «Свободная Себрия». Не удовлетворившись результатами русско-османской войны, по которой часть Себрии осталась под властью султана, себрийцы создали организацию, борющуюся за полное освобождение своей страны. А поскольку переговорами дела было не решить, организация скупала оружие и вербовала добровольцев для освободительного похода. Деятельность свою организация вела за счет добровольных пожертвований со всего мира. И вексель на пятьдесят тысяч, переданный капитаном, тоже пошел в общую кассу. Алекс подозревал, что никакие жертвователи таких расходов не покроют, за «Свободной Себрией» явно стояло государство, и он догадывался, какое именно. А потому в добровольцы отставной капитан подался не испытывая сомнений, благо цели организации полностью совпадали с его убеждениями.

— Нет предела совершенству, — хмыкнул Алекс.

— Согласен, и предлагаю перейти на «ты». Кстати, если хочешь носить оружие скрытно, купи что-нибудь поменьше, «гранд» под такой одеждой не спрячешь.

— Спасибо, учту. Но я надеюсь, что мне недолго придется прятать револьвер от чужих глаз.

— Недолго, — подтвердил его догадку Гжешко. — Завтра в это же время приходи с вещами, поедем, познакомлю тебя с твоими подчиненными. Они тебе понравятся.

Судя по ехидной ухмылке себрийца, в этих словах таился какой-то подвох, но какой именно, раньше завтрашнего дня узнать было невозможно.

— И письмо деду не забудь.

Гжешко вылил себе в рот остатки содержимого кружки, давая понять, что разговор закончен.

— Непременно, — откланялся Алекс.

— Давай.

Гжешко пробежал глазами поданное ему письмо, удовлетворенно кивнул, и письмо исчезло в бездонном кармане его шаровар.

— Поехали.

Гжешко и Алекс были единственными пассажирами телеги, запряженной парой тяжеловозов. Молчаливый возница правил лошадьми с абсолютно отрешенным видом. Кстати, телега почти пустая, а идет тяжело. Запустив руку в сено, Алекс нащупал стоявшие на дне ящики, судя по размеру — оружейные.

Здесь, в уже освобожденной части Себрии, где их сторонником был каждый второй, не считая каждого первого, организация действовала достаточно свободно, особенно не скрываясь. Местный князь Войчетутский «Свободную Себрию» не жаловал, видя в деятельности организации угрозу своей власти, но вынужден был терпеть ее присутствие, так как уважением и авторитетом среди своих подданных не пользовался. Обе стороны демонстративно соблюдали нейтралитет, подчеркнуто не вмешиваясь в дела друг друга.

— Ты должен сделать из них настоящих солдат, — разъяснял задачу Алекса себриец, — а это очень нелегко. У нас нет гауптвахты, и под винтовку их тоже не поставишь. Они не знают, что такое дисциплина. Пока они сами не признают тебя своим командиром, ты не сможешь ими командовать.

— Слушай, Гжешко, — не выдержал Алекс, — а ты меня часом не пугаешь? Так я не из пугливых.

— Нет, не пугаю. Я даже обеспечу тебе фору.

— Какую еще фору?

— Приедем — увидишь.

Про предстоящие трудности с обучением личного состава отставной капитан догадывался, слишком велики отличия между добровольцем-себрийцем и русским рекрутом. Одно дело веками отлаженная государственная машина по переделке крестьян в солдат, где ты являешься маленьким винтиком, и совсем другое — оказаться наедине с себрийской вольницей, когда каторгой никого не испугаешь и ни один унтер-сверхсрочник не поможет, ввиду их полного отсутствия в этих краях.

— Люди, как я понимаю, есть, но кроме них потребуется еще много чего — оружие, патроны, шанцевый инструмент...

— Будет тебе оружие, — расхохотался Гжешко, — как только приедем, так сразу и будет!

Благо ехать было недалеко. Уже версты через три телега свернула с широкой проезжей дороги. Скорость тут же снизилась, лошади с трудом тащили тяжелую повозку в гору. Затем дорога пошла вниз, огибая серую скалу, и, наконец, спустилась в долину.

— Опять пост не выставили, — пробурчал себриец.

Алекс понял, что эта фраза относилась к его будущим подчиненным. Еще один поворот, и едва заметная в траве колея вывела к старой овечьей кошаре, где их встретили три десятка бандитских, по-другому не скажешь, рож.

— Здрав будь, Гжешко.

— Здрав будь, Смирко.

Представитель «Свободной Себрии» начал обниматься с молодым жилистым себрийцем, Алекс сразу решил, что это местный главарь.

— Оружие привез?

— Привез. И еще кое-кого привез.

Вокруг Гжешко собралась толпа, и он начал толкать им зажигательную речь. Среди собравшихся Алекс

заметил пару физиономий, которые где-то уже видел, но никак не мог вспомнить, где именно. И тут в словах оратора мелькнула фамилия Барти, в тот же момент Алекс стал центром всеобщего внимания. К нему приблизился здоровенный чернобородый себрияец и на ломаном руоссийском спросил.

— Ты был комендантом Олумоца?

— Я, — не стал скрывать отставной капитан.

Толпа с ревом подхватила его, и на землю он вернулся минут через пять. Затем еще долго его то ли душили, то ли пытались ему сломать ребра, по-иному эти объятия расценить было нельзя. Едва только Алекса отпустили и он получил возможность нормально дышать, как тот же чернобородый здоровяк так хлопнул его своей лапищей по спине, что едва не выбил из легких остатки задержавшегося в них воздуха.

— Меня зовут Драган, я из Олумоца. Моя семья была там, на площади. Башибузуки успели зарезать мою жену и детей, но ты спас сестру и племянников. Я — твой должник.

И таких должников у бывшего коменданта Олумоца набралось с полтора десятка. Большая часть себрийцев из этого отряда происходила из того же города, и почти у всех в тот день на площади оказался кто-либо из родственников. Теперь стало понятно, о какой форе говорил Гжешко. Оставалось только не наделать глупостей и не растерять авторитет у новых подчиненных.

Когда изъявление благодарностей закончилось, к Алексу подошли Гжешко и Смирко.

— Смирко будет твоим заместителем. Он хороший воин, он убил много османийцев, но в армии никогда не был. Ты должен научить его всему, что знаешь сам.

Ладонь у главаря разбойничьей шайки, которую Алексу предстояло превратить в армейское подразделение, была сухой и твердой, взгляд холодный и рас-

четливый. Общее впечатление он производил скорее неблагоприятное — такой зарежет и глазом не моргнет. Но выбирать не приходилось.

— Отставной капитан Алекс Ма... Алекс Барти.

— Смирко.

Оставалось прояснить еще один вопрос.

— Сколько времени у меня есть на обучение?

— Кто знает? — пожал плечами Гжешко. — Но я бы поторопился.

С одной стороны, чем больше времени, тем лучше можно подготовить личный состав, но и затягивать с обучением тоже не стоило. Османьская империя могла оправиться от поражения.

— Ладно, может, хоть оружие посмотрим?

— Посмотрим, — согласился Гжешко.

Алекс уверенно направился к привезшей их телеге.

— Ты все-таки догадался!

— Это было нетрудно.

Со дна телеги извлекли четыре деревянных ящика. В них оказалось два десятка винтовок Трибоди-Гартини и около тысячи патронов. Винтовки не новые, потертое воронение, царапины на дереве, явно из трофеев, оставшихся от османьцев или подобранных в местах боев. Но все были смазаны, стволы в хорошем состоянии, и к работе затворов претензий не имелось, кто-то знающий успел привести их в порядок.

— Хорошо, пойдут. А штыки где?

— Зачем тебе штыки?

— Мне ни к чему, мне винтовка не положена, а у солдата штык должен быть!

— Ладно, — не стал спорить Гжешко, — будут тебе штыки.

С этим он и отбыл. Напоследок туманно пообещал:

— Готовься, скоро будет тебе пополнение.

Алекс проводил отъехавшую телегу взглядом, а обернувшись, обнаружил стоявшего за спиной